

Путь к социальной трагедии

100 СПЕКТАКЛЕЙ „МАТРОСОВ ИЗ КАТТАРО“

Почти во всех случаях, когда театру нужна бывает трагедия, внимание направляется к классическим образцам ее («Отелло», «Гамлет» «Эдип»). Вне этих источников трагедии как будто не существует. В бурной стремительности нашего времени мотивы и графы трагедии быстро стираются и гаснут, едва успев обозначиться. Искусство вообще, и театр в частности, не успевает претворять в соответствующие формы богатейший яркий жизненный материал. Это и заставляет повидимому так часто обращаться к классике.

Какие чудовищные эксперименты производятся театрами в желании осовременить, обновить, исправить крупнейшие произведения классиков, — эксперименты, скорее претенциозные, и беспомощные, чем обоснованные и смелые. В большинстве случаев театр оказывается не в силах приблизить к нашей театральной аудитории вопросы, затронутые в классике. Личная и «фамильная» трагедия короля Лира, упирающаяся в нашу действительность, вряд ли может при самых благополучных переделках ее стать социально-полезным художественным фактором. В чем сейчас для нас гамлетовское «быть или не быть»? И возможна ли такая постановка вопроса? Ревность Отелло — классическая ревность: убийство им Деизмоны — классическое «трагедийное» убийство. Ну, а палба из нагана доморожденных ревнивцев, наших Отелло — это что? Водевиль? Где наши Дон-Кихоты и кто их Сервантес? В каких бывших Мценских уездах притаилась леди Макбет? Все это в известной мере разве не повод для создания образов наших Отелло — трагедии нам более близкой и более волнующей?

Я не хочу сказать, что Шекспир (и классика вообще) нам не нужен, но лучше пользоваться им как Шекспиром, чем как Шекспиrom, помноженным или деленным на современный эксперимент. Попытка создания новых форм, в частности, новой социальной трагедии, мне кажется в настоящий момент естественной и необходимой.

Мне как режиссеру пришлось работать над пьесой немецкого драматурга Фридриха Вольфа «Матросы из Каттаро».

Пьеса дает описание известного восстания австро-венгерских матросов в бухте Каттаро, в конце империалистической войны, — восстания, подавленного с классовой жестокостью. Пьеса написана с исторической, хронологической и этнографической точностью и полнотой. В этом и достоинства и недостатки этого произведения. В результате документального описания событий в пьесе недостаточно выражено отношение художника-автора к затронутому им вопросу.

Мысль пьесы, несомненно интересная и оригинальная, после переработки всего драматургического материала т. Вишневским была по-

Рис. А. Шахова

Троицкий — Кудель

ложена в основу новой социальной трагедии, — новой по содержанию и по форме.

Для новой социальной трагедии естественно и неоспоримо право нарушить свойственные классической трагедии законы и традиции. И в оформлении, и в приеме актерской игры, и в общей композиции всего спектакля, в текстовом, логическом и ритмическом его построении необходимо было заранее отказать от всякой возможности пользования традиционным «трагедийным» ложно-классическим жестом.

Весь спектакль в проработке его с труппой театра строился в плане художественной простоты. Никаких трагедийных вывертов, никаких «потусторонних сил», неизбежности и «рока». Мысль простая и ясная: ряд тактических ошибок, допущенных руководством восстания, приводит восстание к погасанию, к провалу, к гибели.

В первоначальном анализе замысла всего спектакля режиссура считала: если победа и торжество революции в конце спектакля (спуск красного флага и замена его имперским) будут звать зрителя к революционной борьбе, организовывать и заражать его боевой готовностью, — конечная цель спектакля будет достигнута.

Практический опыт ста представлений, проверенных на 100-тысячном нашем зрителе, подтвердил правильность первоначальной установки режиссуры и несомненную положительную ценность нашего эксперимента. Я высказал эти соображения не потому, что удовлетворен достигнутым результатом, но лишь с целью указать правильный, с моей точки зрения, подход к созданию социальной трагедии.